

Л. А. Бобров¹, Б. А. Илюшин²

¹ *Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия*

² *Нижегородский государственный университет
пр. Гагарина, 23, Нижний Новгород, 603950, Россия*

spsml@mail.ru

СЕКИРА «АЙБАЛТА» ИЗ ФОНДОВ ОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ *

Рассмотрен боек уникального боевого топора (№ 3788), хранящийся в фондах Омского государственного историко-краеведческого музея (далее – ОГИКМ). Ранее данный экземпляр ударно-рубящего оружия не становился объектом специального научного исследования. Типологический анализ позволил атрибутировать рассматриваемый образец как секиру и соотнести с комплексом вооружения тюркских кочевников Центральной Азии Нового времени. Рост популярности секир среди номадов региона (начиная со второй половины XVIII в.) был обусловлен постепенным вытеснением из широкого военного обихода металлического защитного вооружения. Рубяще-режущий удар секиры не только дробил кости, но и разрезал кожный покров, оставляя длинные раны, приводившие к обильной кровопотере. Секиры с изогнутым С-образным лезвием (казахск. «айбалта», т. е. «лунный топор») были исключительно опасны для бездоспешных воинов противника, что и стало важнейшим фактором распространения данной разновидности ударно-рубящего оружия среди казахов, киргизов, узбеков и туркмен второй половины XVIII – XIX в. Отличительными особенностями рассматриваемой секиры является П-образный в сечении оттянутый вниз обух и широкий трапецевидный клинок с месяцеvidным лезвием, концы которого отогнуты в стороны топорщица. Проух бойка заклепан сверху специальной железной пластиной, снабженной двумя сквозными отверстиями, в которые вбивались гвозди, соединявшие боек и топорщицу. Клинок секиры украшен гравированными серебряными накладками, а «щечки» насада – серебряной насечкой. Сотрудники ОГИКМ датировали секиру концом XVIII – началом XIX в. Анализ конструкции, системы оформления, а также надписи на поверхности бойка позволили нам уточнить время его изготовления. Серебряная насечка была выполнена в 1876 г. Время изготовления самой секиры можно локализовать серединой 70-х гг. XIX в. Особенности конструкции и системы оформления секиры указывают на то, что она была выкована казахскими оружейниками. Наличие точной датировки позволяет считать рассматриваемый экземпляр ударно-рубящего оружия, в качестве эталонного образца при датировке и атрибуции секир кочевников региона.

Ключевые слова: Центральная Азия, Казахстан, ударно-рубящее оружие, боевые топоры, секиры.

В фондах Омского государственного историко-краеведческого музея хранятся образцы ударно-рубящего оружия народов Центральной Азии позднего Средневековья и раннего Нового времени, представляющие

значительный интерес для отечественных и зарубежных историков, этнографов и оружейников. Краткое описание данных предметов было выполнено авторами каталога «Культура казахов в коллекциях Омского

---

* Исследование проведено в рамках базовой части государственного задания в сфере научной деятельности (проект № 2718).

Рис. 1 (фото). Боек секиры из ОГИКМ (№ 3788): а – вид справа; б – вид слева (фото К. З. Ускенбай; без масштаба)

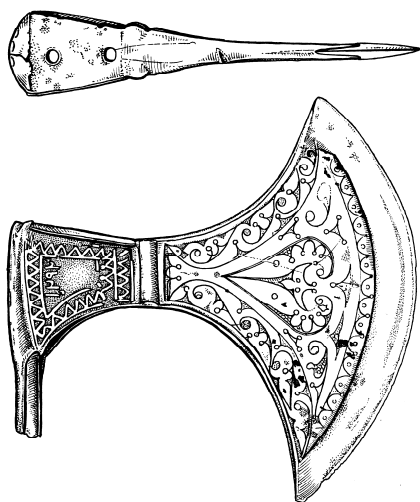

Рис. 2. Прорисовка конструкции и системы оформления бойка секиры из ОГИКМ (№ 3788) – вид сверху и справа (рисунок Л. А. Боброва; без масштаба)

государственного историко-краеведческого музея» [1995. С. 33, 34]. В настоящее время представляется возможным провести детальный типологический анализ боевых топоров и секир рассматриваемой серии, а также уточнить время их изготовления. Целью настоящей статьи является описание конструкции, системы оформления, а также датировка и атрибуция бойка секиры № 3788, приобретенного сотрудниками музея у А. С. Жукова в 1926 г.

По материалу изготовления боек относится к классу железных, по способу насада на топориче – к отделу проушных, по форме сечения – к группе плоскообушных, по форме клинка – к типу секир с трапециевидным клинком и С-образным (месяцевидным) лезвием. На основании особенностей декоративного оформления представляется возможным определить рассматриваемый образец как плоскообушную (вислообушную) секиру с украшенным орнаментированными серебряными накладками трапециевидным клинком и месяцевидным лезвием (рис. 1, 2). Данная разновидность ударно-рубящего оружия была известна среди тюркских кочевников Центральной Азии позднего Средневековья и раннего Нового времени под названием «айбалта» («лунный топор») [Ахметжан, 2007. С. 116].

Наиболее ярким элементом конструкции бойка секиры (длина – 13,3 см) является широкий массивный клинок с С-образным лезвием, концы которого отогнуты в сторону топорича (ширина лезвия – 13,5 см). Нижний конец лезвия срезан под прямым углом. Клинок плавно сужается от лезвия к выпуклой шейке (ширина – 2,7 см) и переходит в насад с плоским оттянутым вниз обухом (ширина – 2,9 см) и «щечками» подтрапециевидной формы (см. рис. 1). Нижняя часть обуха выкована в виде П-образной в сечении металлической планки, которая обеспечивала более надежное крепление бойка на топориче и защищала рукоять секиры от рубящих ударов оружия противника. Нижний конец планки обломан (длина сохранившейся части – 3,5 см). Проух подтреугольной формы заклепан с верхней стороны специальной железной пластиной с двумя сквозными отверстиями, в которые вбивались гвозди, соединявшие боек с деревянным топоричем (рис. 2).

Значительный интерес представляет декоративное оформление секиры. Большая

часть клинка (за исключением полосы вдоль лезвия) покрыта тонкими серебряными пластинами, украшенными гравированным растительным и геометрическим орнаментом. Основу композиции на правой стороне клинка составляет сердцевидный «щит» с трехлепестковым бутоном в центре. С двух сторон сердцевидную фигуру обрамляет узор в виде стилизованных цветочных побегов, а со стороны лезвия – ряд полукруглых фестонов. По полю рисунка рассыпаны круглые «жемчужины» (рис. 1, а; 2). Левая сторона клинка оформлена схожим образом, однако в центре сердцевидного «щита» помещено изображение стрелы с тремя перекрестьями. По замыслу художника, силуэт стрелы формирует пара пышных листьев с фестончатым краем (рис. 1, б). Шейка бойка не орнаментирована, зато «щечки» покрывает узор, выполненный в технике серебряной насечки по металлу. Он представляет собой картуш из зубчатой ленты, в центр которого помещена надпись на арабском языке. На правой стороне бойка надпись сохранилась фрагментарно, в то время как на левой стороне секиры она читается весьма отчетливо (см. рис. 1, б).

Первый вариант датировки и атрибуции бойка из ОГИКМ был предложен составителями каталога «Культура казахов в коллекциях Омского государственного историко-краеведческого музея». По их мнению, «...использовался такой топор как оружие казахами в XVIII – первой половине XIX в. и как украшение интерьера жилища во второй половине XIX – начале XX в. Данный экземпляр изготовлен в конце XVIII – начале XIX в.» [Культура казахов..., 1995. С. 33]. Анализ конструкции и системы оформления секиры позволяет уточнить ее датировку и атрибуцию.

Топоры с месяцеvidным лезвием в целом не характерны для комплекса ударно-рубящего оружия тюркских и монгольских кочевников раннего и развитого Средневековья¹. Находки секир, время бытования которых относится к данному периоду, крайне редки [Горелик, 2002. С. 66. Рис. 6]. Резкий рост популярности этого вида ударно-рубящего оружия среди nomadов Центральной Азии пришелся на вторую поло-

вину XVIII – XIX вв. Он был обусловлен постепенным выходом металлического доспеха из военного обихода народов региона.

Функционал боевого топора зависит от особенностей конструкции бойка, длины и формы топорика, наличия дополнительных проникателей на обухе и т. д. Важнейшим фактором, влияющим на боевые свойства ударно-рубящего оружия, является ширина лезвия и форма клинка. Так, например, узколезвийные топоры с клинком подпрямоугольной и удлиненно-треугольной формы в эпоху Древности и Средневековья традиционно применялись для поражения противника, одетого в металлический доспех. Удар узколезвийного топора обладал рубяще-раскалывающим действием. Он буквально «вскрывал» вражеский доспех, нанося опасные глубокие раны. По мере возрастания ширины лезвия, раскалывающие свойства топора снижались, а рубящие и дробящие, напротив, возрастали. Топоры с широким и тяжелым трапециевидным клинком представляли значительную угрозу как для панцирных, так и для легковооруженных воинов противника. Удар такого топора мог и не расколоть вражеские латы, но сминал и деформировал панцирное покрытие, травмировал тело и дробил кости. Наконец, секиры с широким полукруглым лезвием позволяли наносить не только рубящие, но и рубяще-режущие удары, исключительно опасные для воинов, лишенных защитного вооружения. Удар секиры не только перерубал и дробил кости, но и разрезал кожный покров, оставляя длинную рану, приводившую к обильной кровопотере [Горелик, 1993. С. 41, 42; Ахметжан, 2007. С. 114–117; Бобров, Худяков, 2008. С. 320].

Анализ ударно-рубящего оружия народов Центральной Азии XVIII–XIX вв. свидетельствует, что в условиях сокращения численности панцирников на полях сражений «бронейбойные» разновидности боевых топоров, снабженных узким клинком удлиненно-треугольной формы (казахск. «шакан»), начали терять свою былую популярность. Лидирующие позиции в комплексе ударно-рубящего оружия кочевников региона постепенно занимают универсальные топоры «балта» и секиры «айбалта» с С-образным лезвием².

¹ Термин «секира» в отечественном оружейоведении применяется к особой разновидности боевых топоров, снабженных С-образным месяцеvidным лезвием, концы которого отогнуты в сторону рукояти.

² Характерно в данной связи, что ранние варианты секир воинов Центральной Азии нередко снабжены на

Сопоставление бойка секиры из ОГИКМ с боевыми топорами и секирами азиатских народов эпохи Средневековья и раннего Нового времени показало, что по своей конструкции и системе оформления рассматриваемый образец наиболее близок у ударно-рубящему оружию тюркских кочевников Центральной Азии второй половины XVIII – XIX в. Так, в частности, сочетание трапецевидного клинка с месяцевидным лезвием насада, увенчанного металлической «крышкой», прикрывающей отверстие проуха и оттянутого вниз обуха, характерно для секир-«айбалта» казахских и киргизских кочевников данного исторического периода [Ахметжан, 2007. С. 122]. При этом П-образная планка, в которую переходит обух секиры из ОГИКМ, несколько длиннее, чем на большинстве ее аналогов (особенно с учетом того, что нижний конец планки бойка из ОГИКМ обломан). Наиболее вероятно, что мастер, изготовивший секиру, хотел совместить в одном конструктивном элементе традиционный для топоров региона оттянутый вниз обух и металлическую «пожилину» на задней стороне топорща, в задачи которой входила защита рукояти от рубящих ударов оружия противника [Там же. Рис. 6, 6а].

Накладки на клинок боевого топора в виде орнаментированных серебряных пластин, украшенных в технике гравировки, встречаются на изделиях центральноазиатских оружейников относительно редко³. Большинство топоров и секир, в которых был использован подобный технологический и оформительский прием, изготовлено казахскими ремесленниками второй половины XVIII – XIX в. Что касается самого орнамента, то он имеет многочисленные аналоги среди позднесредневекового оружия народов региона. Так, например, гравированный узор в виде широких листьев с фестончатым краем, перемежающихся круглыми «жемчужинами», фиксируется на казахском топоре типа «шакан» из ЮКОИКМ (ЮКОМ

обухе длинным острым клевецом, предназначенным для поражения вражеских латников [LaRossa, 2006. P. 185]. Однако позднее, по мере исчезновения масового железного доспеха из военной практики, клеветы на обухе секир встречаются все реже.

³ Как правило, клинки казахских, киргизских и узбекских топоров XVIII–XIX вв. украшены в технике серебряной и золотой (у узбеков) насечки по металлу. Гравировка и чеканка встречаются значительно реже.

КП 43), а также на казахском или ойратском шлеме из ВИМАИВиВС [Анисимова, 2013. С. 276, 277]⁴. Полукруглые фестоны вдоль лезвия бойка встречаются на клинке казахского топора-«балта» из РЭМ [Маргулан, 1986. С. 167]. Сердцевидный щит с трехлепестковым бутоном в центре изображен на поверхности другого казахского топора-«балта», хранящегося в фондах ОГИКМ (ОМК 3659). Арабские надписи на поверхности бойка ударно-рубящего оружия региона – достаточно редкое явление, однако они фиксируются на некоторых казахских секирах-«айбалта» рассматриваемого исторического периода [Ахметжан, 2007. С. 123. Рис. 4–6]. Наконеч, окантовочный орнамент в виде зубчатой ленты типичен для боевых топоров и секир, изготовленных казахскими ремесленниками XVIII–XIX вв. [Маргулан, 1986. С. 165, 175; Курылев, 1978; Кушкумбаев, 2001; Ахметжан, 2007. С. 120–121]. Таким образом, по совокупности конструктивных признаков и особенностям оформления бойка из ОГИКМ представляется возможным отнести его к числу изделий казахских мастеров.

Важную роль в датировке секиры из ОГИКМ играет надпись на «щечках» ее насада: в ней содержится дата «1293 год хиджры», что соответствует 1876 г. по григорианскому календарю⁵. Наиболее вероятно, что именно в этом году была выполнена серебряная насечка на поверхности бойка секиры. Скорее всего, незадолго до этого казахскими оружейниками была выкована и сама секира, время изготовления которой можно локализовать серединой 70-х гг. XIX в.

Список литературы

Анисимова М. А. Оружие Востока XV – первой половины XX века: из собрания Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. СПб.: Атлант, 2013. 527 с.

⁴ Интересно, что на латунных накладках этого же шлема выгравированы изображения треугольников с «жемчужинами» на концах, форма которых аналогична треугольным фигурам на клинке топора из ОГИКМ [Анисимова, 2013. С. 276, 277].

⁵ Пользуясь случаем, авторы хотели бы выразить свою признательность сотруднику Института истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова Министерства образования и науки Республики Казахстан, канд. ист. наук К. З. Ускенбаю за содействие в переводе арабской надписи.

Ахметжан К. С. Этнография традиционного вооружения казахов. Алматы: Алматы-китап, 2007. 216 с.

Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV – первая половина XVIII вв.). СПб., 2008. 770 с.

Горелик М. В. Оружие древнего Востока (IV тысячелетие – IV в. до н. э.). М.: Наука, 1993. 349 с.

Горелик М. В. Армии монголо-татар X–XIV вв. Воинское искусство, снаряжение, оружие. М.: Восточный горизонт, 2002. 84 с.

Культура казахов в коллекциях Омского государственного историко-краеведческого музея. Томск: Изд-во ТГУ, 1995. 187 с.

Курьлев В. П. Оружие казахов // Сборник Музея антропологии и этнографии. Ленинград, 1978. Вып. 34. С. 4–22.

Кушкумбаев А. К. Военное дело казахов в XVII–XVIII веках. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. 172 с.

Маргулан А. Х. Казахское народное прикладное искусство. Алматы: Онер, 1986. Т. 1. 256 с.

LaRocca D. Warriors of the Himalayas. Rediscovering the Arms and Armor of Tibet. New York: Yale Univ. Press, 2006. 307 p.

Материал поступил в редколлегию 09.03.2015

L. A. Bobrov¹, B. A. Ilyushin²

¹ *Novosibirsk State University
2 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

² *Nizhny Novgorod State University
2 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod, 603950, Russia*

spsml@mail.ru

POLE-AXE «AYBALTA» FROM THE FUNDS OF OMSK STATE HISTORICAL MUSEUM

The article deals with the battle ax striker (№ 3788) stored in the collection of Omsk State History Museum (OSHM).

Purpose. We provide a scientific description of the battle ax (pole-axe) from YUKOIKM describing its design system, as well as identifying dates and the type of the weapon.

Results. The most prominent structural element of the battle ax striker is a massive blade 13,3 cm long with a C-shaped blade, the ends of which are bent towards the ax, with the blade 13,5 cm wide. The lower end of the blade is cut at the right angle. The blade gradually narrows to the neck of the convex (2,7 cm wide) and merges into a fitting with a flat down-drawn butt (2,9 cm wide) and «cheeks» of a roughly A-line form. The lower part of the butt is forged as a U-shaped (in cross-section) metal band, which ensured fastening between the striker and the ax handle and protected the handle from enemy weapon chops. The lower end of the band was found broken with the preserved part 3,5 cm long. A roughly triangular-shaped band was riveted on the upper side of the special iron plate with two through holes and served for attaching the striker to the wooden ax handle with nails. Of considerable interest is the ax decoration. Most of the blade (except for a band along the blade) is covered with a thin silver plate decorated with engraved floral and geometric designs. The cervix of the striker is not ornamented, but the «cheeks» are covered with a pattern made in the technique of silver metal notches. It is done as a cartouche in the form of a saw-back belt with an inscription in Arabic in the center. The inscription on the right-hand side of the striker is preserved fragmentarily, while on the left-hand side of the axe it is quite clear. The typological analysis has allowed us to identify this sample as an ax and to refer it to the complex weapons of Turkic nomads of Central Asia typical for the Modern period. Axes enjoyed rise in popularity among the nomads of the region after the second half of the XVIII century due to gradual displacement of metal protective arms in military practices. Cut-and-cutting blows of such an ax not only crushed bones, but also cut the skin leaving long deep traces, which lead to vast blood loss. Axes

with curved C-shaped blades, which the Kazakhs named «Aybalta», i.e. a «moon ax», were extremely dangerous for armourless enemy soldiers, this being the most important factor in the spread of such a type of shock slashing weapons among the Kazakhs, Kyrgyz, Uzbeks and Turkmens in the second half of the XVIII–XIX century. Employees of the Museum dated the ax by late XVIII – early XIX century. Our analysis of the ax structure, its system design and the inscriptions on the striker surface has allowed us to specify the time of its manufacturing more accurately. With the silver incision done in 1876, the time of the ax manufacturing can be dated as the mid 70-s of the XIX century. The design features of the axe indicate that it was forged by Kazakh armourers.

Conclusion. The axe stored in OSHM is a bright example of Kazakh battle axes with C-shaped blades used in the middle and second half of the XIX century. It can act as a reference model for dating and defining the type of shock slashing weapons of Kazakh nomads in the given historical period.

Keywords: Central Asia, Kazakhstan, shock slashing weapons, battle ax, weapon.

References

Akhetzhan K. S. *Etnografiya traditsionnogo vooruzheniya kazakhov* [Ethnography of the traditional Kazakh weapons]. Almaty, Almatykitap Publ., 2007, 216 p. (in Russ.)

Anisimova M. A. *Oruzhie Vostoka XV – pervaya polovina XX veka: iz sobraniya Voennno-Istoricheskogo gosudarstvennogo muzeya artillerii, inzhenernykh voisk i voisk svyazi* [Weapons of the East 15 – the first half of the 19th century from the collection of the Military Historical Museum of Artillery, Engineer and Signal Corps]. St.-Petersburg, Atlant Publ., 2013, 527 p. (in Russ.)

Bobrov L. A., Khudyakov Yu. S. *Vooruzhenie i taktika kochevnikov Tsentral'noi Asii i Yuzhnoi Sibiri v epokhu pozhdnego Srednevekov'ya i rannego Novogo vremeni (XV – pervaya polovina XVIII vv.)* [Weapons and military tactics of the nomads from Central Asia and Southern Siberia of the late Middle Ages and Modern Age (XV century – the first half of the XVIII century)]. St.-Petersburg, Department of Philology and Arts of the Sankt-Petersburg State University Publ., 2008, 770 p. (in Russ.)

Gorelik M. V. *Oruzhie drevnego Vostoka (IV tysyacheletie – IV v. do n.e.)* [Weapons of the Ancient East (4 tysyacheletie – 4th century BC)]. Moscow, Nauka., 1993, 349 p. (In Russ.)

Gorelik M. V. *Armii mongolo-tatar X–XIV vv. Voinskoe iskusstvo, snaryazhenie, oruzhie* [Martial art equipment, weapons]. Moscow, Eastern Horizon Publ., 2002, 84 p. (in Russ.)

Kul'tura kazakhov v kollektiyakh Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya [Kazakh culture in the collections of the Omsk State Historical Museum]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 1995, 187 p. (in Russ.)

Kushkumbaev A. K. *Voennoe delo kazakhov v XVII–XVIII vekakh* [Military Art of Khazakh people in XVII–XVIII centuries]. Almaty, Daik-Press Publ., 2001, 172 p. (in Russ.)

Kyrilev V. P. *Oryzhie kazakhov* [Khazakh weapon]. *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii* [Anthropology and Ethnography Museum newsletter]. Leningrad, 1978, ed. 34, p. 4–22 (in Russ.).

Margulan A. Kh. *Kazakhskoe narodnoe prikladnoe iskusstvo* [Kazakh folk crafts]. Almaty, Oner Publ., 1986, vol. 1, 256 p. (in Russ.)